

Последнее объяснение в любви

Питерская газета, — 2001, — 20-26 дек., — с. 9

Александр Володин лежал в больнице. После операции у него при абсолютно ясном сознании было состояние средней тяжести.

Средняя и крайняя тяжесть жизни — то, что ему с детских, военных, советских лет отлично знакомо, и с чем он, как, может быть, никто, научился справляться. Казалось — справится и теперь.

И пока он лежал в питерской «девятке» (первой попавшейся клинике, куда привезла «скорая»), пока курирующая в Смольном писателей дама ждала официального письма, чтобы объяснить врачам, что для России значит их больной, пока доступ к нему ограничивали, — мы хотели ему сказать, как мы его любим. И за что.

Высоцкий как-то пошутил: если можешь объяснить, за что человека любишь, это уже не любовь, а хорошее отношение. Но мы точно знали масштаб своего чувства и собирались рискнуть. Этот материал был написан, чтобы его прочел самый главный читатель — он сам. Не успели. И уже не с надеждой, а с болью мы произносим это последнее объяснение в любви.

Мы любили его за застенчивость и совестливость. Робкий, неловкий, стесняющийся в личном и частном, каждое утро просыпающийся с мукой стыда от всех за жизнь совершенных грехов — не-

точных слов, жалких поступков, причиненных обид, Володин в отличие от многих и многих так и не научился прощать самого себя. Отказываясь от интервью, десятки раз повторял: стыдно, стыдно...

За храбрость и стойкость. На войне и в мутных советских буднях он много раз был отважен до безрассудства. А в новейшую эпоху, если, по его мнению, происходила подлость или пошлость, мог страшным фронтовым матом (наплевать, что в прямом эфире) покрыть начальство любого ранга — от генералов до президентов. Бродский однажды сказал: всякое произведение художника — автопортрет, и даже в облике другого человека он часто отмечает собственные черты. О Михаиле Ромме Володин написал, будто о себе: «он отличался от всех художников и ученых, от всех старых и молодых людей. Он жил в особом мире неожиданных решений и поступков. Он существовал, словно в другой жизни, из которой и письмо дойти не может». Но в случае с Александром Володиным — дошло. И пьесы поэта, и стихи прозаика, и заметки нетрезвого человека. Слова Володина простые, будто даже незаметные, ведут к прозрачной сути. И поражает его никому не навязываемое, но безошибочное (недаром написал пьесу «Мать Иисуса») знание, кто чего

стоит на этой земле. Маленького большого человека Лямина из «Назначения», Славу из «Пяти вечеров», Надю из «Старшей сестры», Ушастого, Зубного врача, Фокусника он явил современникам, ибо был послан во вторую половину XX века, чтобы немилосердное, изъеденное язвой душевного плебейства время не осталось без своего Гоголя с жалостью, возведенной в степень мировоззрения, без своего Чехова с благородством и изяществом чувств.

За то, что все, все были ему интересны. И знаменито-успешный Марк Захаров, и не слишком-то удачливый Владимир Малышицкий, и соседка по площадке, и Виктор Шендерович, и ослепительная Настасья Кински, и полуночные продавщицы в забегаловке «24 часа» в двух шагах от дома, куда в особо трудные моменты наведывался по нескольку раз за ночь.

За упорное неприсоединение ни к кому, ни к чему и непротивление тишине. И за то, что никогда не оставлял театра, даже когда театр надолго, на десятилетия, сам оставил его: в партере на любом стоящем спектакле можно было увидеть серебряную голову Володина. И никогда не кончался праздник тайной страсти между скромным автором и ничего не стыдящейся в своей щедрой притягательности сценой.

За то, о чем никто, кроме него, не сумел написать. О тонкой материи жизни и тонкой-тонкой материи любви. Об огромном сомнении — перед лицом всего на свете. О том, что стыдно быть несчастным. Особенно тому, кто в 43-м перед боем пил с товарищами, «чтоб тот, кто уцелеет, помнил этот день, оглохший, белый, и домой вернулся, и за друга две хороших жизни пережил!»

За то, что умел хвалить. Всегда находил самое главное, что важно и необходимо услышать человеку. Писателю, актеру, режиссеру — собрату. И никогда и никого не ругал за глаза.

За то, что, любя женщин, воспел Женщину. Помните, как это дивно звучало в устах Олега Ефремова: «По тротуару застучали каблучки... Что это за чудо идет? Женщина!»

За то, что никто так не умел смешить и никто так не заставит плакать. За то, что к нему никогда не пристала ни одна чешуйка бронзы. За то, что такой как есть — длинноносый, в мятых брюках, с нервными жестами, голосом, как хор, горящим взглядом, — он был во всем настоящий. И никаких слов не хватит объяснить его тайну. Остается любить... И помнить.

Марина ТОКАРЕВА

